

RU

Маркеры интертекстуальности как средство выражения адресованности немецкоязычных авторских энигматических текстов конца XVIII – начала XX в.

Новикова К. А.

Аннотация. Цель исследования - определить особенности маркеров интертекстуальности в авторских энигматических текстах как одного из средств выражения адресованности. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые удается представить типы интертекстуальных маркеров и особенности их функционирования именно на материале авторских энигматических текстов. Анализ немецкоязычных авторских энигматических текстов подтверждает, что интертекстуальные маркеры наряду с различными видами обращений, языковых единиц с семантикой подсказки, паратекстуальных элементов выполняют роль средства вербализации адресованности. В результате выделены и охарактеризованы четыре типа маркеров интертекстуальности: аллюзивные реалии и факты, имена собственные, фразеологические единицы, заголовки. Установлено, что данные сигналы интертекстуальности характеризуются различной степенью эксплицитности в тексте и обладают значительным прагматическим потенциалом. Выявлена взаимосвязь между идентификацией и декодированием интертекстуального маркера и успешным декодированием энигмата.

EN

Intertextuality Markers as a Means of Addressing Expression in German-Language Authorial Enigmatic Texts of the Late XVIII – Early XX Century

Novikova K. A.

Abstract. The aim of the study is to determine the features of intertextuality markers in authorial enigmatic texts as one of the means of expression of addressing. The study is novel in that it is the first to present the types of intertextual markers and the features of their functioning using the material of authorial enigmatic texts. The analysis of German-language authorial enigmatic texts confirms that intertextual markers along with various types of addresses, linguistic units with the semantics of a hint, paratextual elements serve as a means of verbalisation of addressing. As a result, four types of intertextuality markers have been identified and characterised: allusive realities and facts, proper names, phraseological units, titles. It has been found that these intertextuality signals are characterised by varying degrees of explicitness in the text and possess a significant pragmatic potential. The relationship between the identification and decoding of an intertextual marker and the successful decoding of the enigma has been revealed.

Введение

Онтологической характеристикой энигматического текста, представляющего собой совокупность вопросной части (энигматора) и отгадки (энигмата), является его ориентированность на адресата, который разгадает или предпримет попытку разгадать загаданное. Функционирование энигматического текста в коммуникативном пространстве немислимо без ментального и/или физического присутствия его реципиента. В этой связи представляется справедливым замечание В. З. Санникова (2019) о том, что загадка как парный речевой акт – это пример «совпадения речевого акта с речевым жанром в одном тексте» (с. 18). При этом одним из способов взаимодействия автора энигматического текста с адресатом является его обращение к различным аллюзиям, отсылающим к определенным фактам, событиям или текстам.

Актуальность исследования обусловлена тем, что оно осуществляется в рамках антропоцентрического подхода к изучению языка, а также интересом современного языкознания к вопросам адресованности текста

как необходимого условия коммуникации. В отечественной лингвистике назрела необходимость проведения специального исследования, посвященного средствам выражения адресованности энигматического текста.

Исходя из поставленной цели, предполагается решение следующих задач: раскрыть значение понятия «адресованность» и дать обзор средств выражения адресованности; изучить теоретические основы рассмотрения маркеров интертекстуальности как средства выражения адресованности; выделить маркеры интертекстуальности в авторских энигматических текстах и выявить их прагматический потенциал.

Материалом для исследования послужили более 1000 авторских энигматических текстов, созданных во второй половине XVIII – первой половине XX в. немецкоязычными писателями и поэтами.

Методом сплошной выборки нами были отобраны примеры интертекстуальных включений, эксплицирующих ориентированность на адресата. При помощи лингвокультурологического, контекстуального и структурно-семантического анализа были выделены типы аллюзивных единиц и изучены особенности их функционирования в энигматическом тексте.

Теоретической базой послужили исследования отечественных лингвистов, в которых рассматриваются категория адресованности и ее языковая реализация (Воробьева, 1993; Комлева, 2015; Олейник, 2006; Романова, 1997; Чаплыгина, 2003; Чернявская, 2000), а также связь данной категории с категорией интертекстуальности (Бударагина, 2007; Караджев, 2014; Подъяпольская, 2004; Солдаева, 2018) и особенности различных интертекстуальных включений (Декатова, 2015; Кузьмина, 2017; Николаева, 2009; Олизько, 2008; Фатеева, 2007).

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы на лекциях и практических занятиях по лингвистике текста и лингвокультурологии.

Основная часть

В нашей работе мы опираемся на определение понятия «адресованность» О. П. Воробьевой (1993) как «свойства текста, посредством которого опредмечивается представление о предполагаемом адресате текста и особенностях его интерпретативной деятельности» (с. 10). Средства выражения адресованности становились объектом исследований отечественных лингвистов на материале разных типов текста и исследовались на разных языковых уровнях. Среди них чаще всего выделяют личные местоимения 2 лица единственного и множественного числа, прямые и косвенные обращения, вводно-контактные компоненты, перформативные глаголы, глаголы, выражающие сходную степень осведомленности автора и адресата, междометия и частицы, риторические вопросы, вопросительные и побудительные предложения, повествовательные предложения с личными местоимениями, паратекстуальные элементы (Воробьева, 1993; Ворончихина, 2022; Комлева, 2015; Олейник, 2006; Романова, 1997; Чаплыгина, 2003; Чернявская, 2000). Языковая реализация ориентированности на адресата в энигматических текстах не изучалась как отдельный объект, но рассматривалась в рамках исследования английских, украинских, татарских народных загадок, русских народных и литературных загадок (Денисова, 2008; Селиванова, 2014; Струкова, 2019; Файзуллина, 2019). В рамках нашего исследования немецкоязычных авторских энигматических текстов конца XVIII – начала XX в. мы выделили следующие средства выражения адресованности: нейтральные вокативы; эмоциональные вокативы; побудительные и вопросительные предложения с различной синтаксической структурой; повествовательные предложения с семантикой подсказки (Новикова, 2021).

Наряду с вышеперечисленными языковыми средствами ученые рассматривают также интертекстуальные маркеры как способ экспликации адресованности. Такой подход к сигналам интертекстуальности объясняется тем, что их включение в текст отражает представления автора текста о знаниях потенциального адресата о других текстах (Бударагина, 2007; Караджев, 2014; Подъяпольская, 2004; Солдаева, 2018; Филиппова, 2007). В зависимости от степени совпадения пресуппозиционных баз (термин О. Ю. Подъяпольской) адресанта и адресата интертекстуальные маркеры могут служить подсказками в процессе интерпретации текста или, напротив, вызывать рецептивные трудности. Для адресанта энигматического текста особенно важно понимание объема пресуппозиционной базы потенциального реципиента, поскольку интертекстуальные включения, не распознанные адресатом, представляют значительное препятствие в процессе декодирования энигмата.

Одним из видов интертекстуальных включений, как известно, является аллюзия – «заимствование определенных элементов претекста, по которым происходит их узнавание в тексте-реципиенте, где и осуществляется их предикация» (Фатеева, 2007, с. 128). Анализ немецкоязычных авторских энигматических текстов XVIII–XX вв. позволил выделить несколько типов аллюзий как интертекстуальных маркеров. Первую группу образуют аллюзивные реалии и факты, которые, по мнению Н. С. Олизько (2008), отсылают адресата к определенным текстам или мифологическим, историческим, общественно-политическим событиям и явлениям. Примером энигматического текста с аллюзией такого рода в энигматоре служит шарада Ф. Брентано с ответом “Naarstrich” («направление роста волос»). В шараре, как известно, кодируются значения отдельных частей слова, обозначающего основной энигмат, и последовательное декодирование нескольких энигматов приводит к нахождению основного энигмата. В данном примере первая часть слова “Naar” («волос»), вторая – “Strich” («линия; направление»):

*Der ersten schwache Kraft trug einst das Schwert; dem Zecher
Erstarb die Herrschbegier, entschwand die Lust am Becher.
Wen du auf zweiter hast, den wirst du nimmer loben.*

Des Ganzen Richtung geht nach oben

(Brentano F. Rätselgedicht Nr. 7251. URL: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/07/251.htm>). /

Первого слога слабую силу нес когда-то меч;

У кутилы пропало желание пировать, жажда власти умерла.

Того, кто у тебя на втором слоге, ты никогда не одаришь похвалой.

А направление целого слова – вверх (здесь и далее перевод примеров автора статьи. – К. Н.).

Энигмат “Naar” («волос») характеризуется как обладающий слабой силой, связанный в какой-то ситуации в прошлом с мечом и повлиявший на мировосприятие некой личности, ведущей разгульный образ жизни. Лексические единицы “das Schwert” («меч»), “die Kraft” («сила»), “der Zecher” («кутила»), “die Herrschbegier” («жажда власти») включаются в текст как аллюзия на легенду о Дамокле, фаворите сиракузского тирана Дионисия. Согласно легенде, Дамокл завидовал власти и благополучию тирана и постоянно лстыл ему. Дионисий решил проучить его, дав возможность на один день занять престол и приказав повесить над престолом меч, державшийся на конском волосе. Во время пиршества Дамокл заметил этот меч и отказался от всей роскоши, осознав недолговечность и призрачность богатства и могущества. Адресат, чья пресуппозиционная база включает знание этой легенды, способен, на наш взгляд, опираясь на данную аллюзию, декодировать энигмат “Naar” («волос»). В случае, если адресат не обладает необходимыми знаниями или не распознает аллюзию, то декодирование именно этого энигмата представляется невозможным, поскольку отсутствуют его дополнительные, неаллюзивные характеристики.

В энигматическом тексте И. П. Хебеля, напротив, кодирование энигмата “Sand” («песок») осуществляется с помощью трех характеристик, а именно через смысловую связь со средствами передвижения, с часами и с уголовным судом:

Dem Schlitten nütz ich nichts,
es geht durch mich der Wagen,
und fehl ich mancher Uhr,
so kann sie nicht mehr sagen,
was ihr Besitzer sich von ihr verspricht.

Man denkt an mich beim Hochgericht...

(Hebel J. P. Rätselgedicht Nr. 981. URL: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/00/981.htm>). /

Саням от меня пользы нет,
Но повозка по мне пройдет,
И если меня нет в некоторых часах,
Они не могут сказать хозяину то,
Что он от них ждет.

Обо мне думают на уголовном суде...

Аллюзивная лексема “Hochgericht” («уголовный суд») отсылает адресата к факту разделения системы европейского правосудия на суды высшей и низшей инстанции. Суд высшей инстанции, или уголовный суд, занимался тяжелыми преступлениями, наказанием за которые становилась в том числе смертная казнь через повешение, четвертование, утопление, обезглавливание. Атрибутом казни посредством обезглавливания была куча песка на эшафоте, над которой склонялся обвиняемый. Можно предположить, что данный факт входил в круг знаний адресата немецкоязычного энигматического текста, изданного в 1834 году, так как общественные казни были распространены до конца XVIII столетия. В случае невозможности декодировать данную аллюзию наличие двух неаллюзивных характеристик энигмата способствует его успешному дешифрованию.

Ко второму типу аллюзий в авторских энигматических текстах мы относим имена собственные. Понимание имени собственного в тексте как «небольшого свернутого текста» (Николаева, 2009, с. 5) актуализирует его интертекстуальные ресурсы. В исследуемых нами энигматических текстах большинство имен собственных являются антропонимами. Они служат для номинации литературных, мифологических, библейских персонажей и реальных личностей и отсылают к определенным прецедентным ситуациям или текстам. Так, в загадке И. Г. Тиле кодирование энигмата “Staub” («пыль») осуществляется с помощью включения в энигматор аллюзивного антропонима “Aker” («Акер»):

Abgeschabt von Horn und Eisen,
Holz und Woll und Menschenhaut,
Muss mich laut der Erdsohn preisen:
Bin ich nicht des Akers Braut?

(Thiele J. G. Rätselgedicht Nr. 5054. URL: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/05/054.htm>). /

Меня счищают с рогов и железа,
С древесины, шерсти и человеческой кожи,
Сын земли должен громко меня славить:
Разве я не невеста Акера?

Акер – одно из древнейших божеств египетской мифологии, бог земли. Его имя включено в метафорическое описание энигмата “Akers Braut” («невеста Акера»), которое создает дополнительную нагрузку на декодирование аллюзии. Адресату необходимо не только интерпретировать имя как образ земли, но и верно идентифицировать метафору «невеста» как «нечто близкое, тесно связанное с землей».

В характеристике энигмата “Kartoffeln/Erdäpfel” («картофель / земляные яблоки») загадки Г. Т. Фехнера присутствуют два аллюзивных имени собственных, отсылающих адресата к древнеримской мифологии, а именно “Pluto” («Плутон»), бог подземного царства, и “Ceres” («Церера»), богиня урожая и плодородия:

*Gott Pluto war es, der mich sandte,
Zu treiben Ceres aus dem Lande;
Mag sie mit Schrot und Korn sich wehren,
Mit Kugeln jag' ich sie, mit schweren...*
(Fechner G. T. Rätselgedicht Nr. 2062. URL: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/02/062.htm>). /
Бог *Плутон* послал меня изгнать *Цереру* с земли;
Если она будет защищаться дробовым ружьем,
То я отвечу тяжелыми пулями...

Интерпретация имени «Плутон» и имени «Церера» как олицетворения неких объектов, находящихся под и над землей, становится первой ступенью декодирования энигмата. Описание видов оружия этих объектов опирается на обыгрывание явления полисемии и тоже подлежит дешифровке. Так, первое значение лексемы “Schrot” – «крупа грубого помола», второе – «дробь». Лексема “Korn” имеет также несколько значений: «зерно», «мушка, приспособление для прицеливания». Лексическая единица “Kugel” обозначает «шарообразное тело» и «пулю». Из этого следует, что адресату необходимо распознать в метафорическом описании борьбы с применением оружия противостояние объекта, связанного с зерном, и объекта, имеющего округлую форму. Следующим этапом в дешифровке энигмата становится определение описанного противостояния как аллюзии на историю распространения картофеля в Европе. Корнеплод был привезен в Европу в середине XVI века, но на протяжении еще двух веков в большинстве стран, за исключением Испании и Ирландии, его использовали только как корм для скота. Одним из методов борьбы с отрицательным отношением к картофелю стал Картофельный указ прусского короля Фридриха II в 1756 г., согласно которому крестьян обязывали выращивать корнеплод, а за неповиновение налагались большие штрафы и применялись другие наказания.

Наряду с аллюзивными реалиями, фактами и именами собственными богатым интертекстуальным потенциалом обладают фразеологические единицы (Великоредчанина, 2016; Декатова, 2015; Кузьмина, 2017; Heinz, 1994). Большинство фразеологических единиц в исследуемом нами материале мы подразделяем на несколько компонентов: компонент, выраженный именем существительным, зашифровывается, то есть становится энигматом, остальные компоненты в неизменном виде или с незначительными изменениями в грамматической структуре включаются в энигматор как одна из характеристик энигмата. Заместительным объектом энигмата в таком случае чаще всего выступает безличное местоимение “es” или, если субъектом речи является сам энигмат, личное местоимение 1 л. ед.ч. “ich”. Рассмотрим в качестве примера энигматический текст И. П. Хебеля, в котором закодирован энигмат “Haar” («волос»):

*Hast du einmal dich etwas unterwunden,
O lieber Mann,
und hast du etwa mich darin gefunden:
bist übel dran!
Noch schlimmer aber, wenn du dann mit nassen,
vielleicht auch trocknen Augen mich musst lassen*
(Hebel I. P. Rätselgedicht Nr. 707. URL: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/00/707.htm>). /
Если ты взялся за какое-то дело,
Мой дорогой друг,
И нашел меня в нем,
То ты попал в трудную ситуацию!
Но еще хуже, если тебе придется отпустить меня
С глазами, полными слез, а может, и не плача.

В данном тексте фигурируют две фразеологические единицы: “ein Haar in etwas finden” («находить недостаток в чем-л., придирается к чему-л.», дословно «находить в чем-л. волос») и “Haare lassen müssen” («выполнять что-то только с определенными потерями», дословно «быть вынужденным отпустить волосы»).

Энигматом загадки является первый компонент обеих фразеологических единиц, его заместительным объектом – личное местоимение 1 л. ед.ч. в винительном падеже “mich”. Компонент первой фразеологической единицы, выраженный глаголом в начальной форме “finden”, включен в энигматор в форме прошедшего времени “hast gefunden”; компонент, выраженный предлогом и неопределенным местоимением “in etwas” преобразован в местоименное наречие “darin”. Во второй фразеологической единице незначительное преобразование претерпевает компонент, выраженный модальным глаголом в начальной форме “müssen”: в энигматоре он выражен этим же модальным глаголом в форме 2 л. ед.ч. “musst”. Так как энигмат характеризуется только посредством аллюзии к двум описанным фразеологическим единицам, адресату данного текста необходимо декодировать минимум одну из них, чтобы найти энигмат.

Среди загадок, энигматом которых являются компоненты фразеологических единиц, также встречаются такие тексты, в которые включены не составляющие фразеологических единиц, а только описание их значения. В загадке-омониме К. Мюхлера с энигматом “der Nagel” («гвоздь; ноготь») присутствует аллюзия на фразеологическую единицу “einen Nagel im Kopf haben” («быть надменным, высокомерным», дословно «иметь гвоздь в голове»):

Zuweilen bin ich *unsichtbar*,
 Dann hüte dich vor *meinen Tücken*,
 Wird man *an dir mich je gewahr*,
 Kann man den *Spott nicht unterdrücken*.
 Denn *lächerlich stellst du dich dar*;
 Auf *keine Nachsicht* darfst du hoffen...
 (Müchler K. Rätselgedicht Nr. 10304. URL: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/10/304.htm>). /
 Порой я невидим,
 Тогда берегись моего коварства,
 Если меня увидят в тебе,
 Тебе не избежать насмешек.
 Ведь ты выставляешь себя посмешищем;
 И не сможешь надеяться на снисхождение...

В случае такого включения фразеологической единицы в энigmatор перед адресатом стоит, на наш взгляд, более сложная задача по декодированию энigmата. В первую очередь необходима идентификация понятия «надменность, высокомерие» через интерпретацию лексемы “unsichtbar” («невидимый») как некоего абстрактного понятия и через его отрицательные характеристики: “Tücken” («козни, коварство»), “Spott” («насмешки»), “sich lächerlich machen” («выставлять себя посмешищем»), “keine Nachsicht” («отсутствие снисхождения»). В случае наличия зашифрованной фразеологической единицы в пресуппозиционной базе адресата возможны распознавание ее связи с понятием «надменность, высокомерие» и нахождение энigmата.

Четвертый тип аллюзивных элементов в исследуемых энigmatических текстах представляют заголовки. Как известно, заголовки являются нетипичным элементом этого типа текста: исследователи отмечают единичные заголовки авторских загадок, что указывает на их историческую связь с эпиграммами, а народные загадки вовсе не имеют заглавий. Тем не менее, небольшое количество немецкоязычных авторских энigmatических текстов озаглавлены, и некоторые заглавия можно рассматривать как маркеры референциальной интертекстуальности. Так, шарада Ф. Кинда с энigmatом “Eisenach: Eisen + Ach” («Айзенах: дословно “железо” + “ах”», город в Германии) имеет заглавие “Am 1. September 1810” («Первого сентября 1810 года»):

Den beiden Ersten gleicht die Brust,
 Der meines Ganzen Not bewusst,
 Und die, voll Mitgeföhls, nicht tief
 Im Innersten mein Letztes rief
 (Kind F. Rätselgedicht Nr. 3449. URL: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/03/449.htm>). /
 На первые два слога похожа грудь,
 Которая осознает беду моего целого слова
 И которая, полная сострадания,
 В глубине души тихо произносит мой последний слог.

Дата, указанная в заголовке, является аллюзией на реальное историческое событие: 1 сентября 1810 года во время прохождения наполеоновских войск через город Айзенах произошел взрыв пороха в одном из вагонов поезда, перевозившего боеприпасы, повлекший за собой человеческие жертвы и разрушения. Адресат, в картину мира которого входит описанное событие, способен распознать отсылку к нему еще до прочтения/прослушивания самого энigmatического текста и предположить, что речь пойдет о трагедии в Айзенахе. В таком случае лексические единицы “Not” («беда, бедственное положение») и “voll Mitgeföhls” («полный сострадания») служат подтверждением верности предположения.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Включение в текст аллюзий на определенные события, факты, произведения, традиции является одним из способов выражения представлений автора о предполагаемом адресате, что позволяет рассматривать интертекстуальные маркеры как средства экспликации обращенности к адресату. Проведенное исследование маркеров интертекстуальности в немецкоязычных авторских энigmatических текстах второй половины XVIII – первой половины XX в. демонстрирует их потенциал как одного из средств выражения адресованности. Анализ аллюзивных реалий, фактов, имен собственных, фразеологизмов и заголовков подтверждает ориентацию автора энigmatического текста на историко-культурный опыт, фоновые знания адресата и использование интертекстуальных включений как вспомогательного средства в процессе декодирования энigmата. При этом отмечается взаимосвязь между верной интерпретацией интертекстуального маркера и успешным декодированием энigmата.

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в изучении взаимообусловленности маркеров интертекстуальности и других особенностей исследуемых текстов (субъектно-адресатная характеристика, особенности представления энigmата и пр.) для обобщения и систематизации особенностей авторских энigmatических текстов.

Источники | References

1. Бударagina Е. И. Отбор автором информации, представленной в тексте, как средство адресованности художественного текста // Проблемы языковой картины мира на современном этапе: сб. ст. по мат. всерос. науч. конф. молодых ученых. Н. Новгород, 2007. Вып. 6.
2. Великоредчанина Л. С. Фразеологизм как интертекстема в современном англоязычном художественном тексте: дисс. ... к. филол. н. Ростов н/Д, 2016.
3. Воробьева О. П. Лингвистические аспекты адресованности художественного текста (одноязычная и межъязыковая коммуникация): дисс. ... д. филол. н. М., 1993.
4. Ворончихина И. А. Типология сигналов адресованности в текстах детского детектива (на материале англоязычных и русскоязычных произведений) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 1.
5. Декатова К. И. Структурно-семантические особенности фразеологизмов-интертекстем // Грани познания. 2015. № 5 (39).
6. Денисова Е. А. Структура и функции энигматического текста (на материале русских загадок и кроссвордов): дисс. ... к. филол. н. М., 2008.
7. Караджев Б. И. Фактор адресанта и адресата в дискурсе СМИ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Вопросы образования: языки и специальность». 2014. № 3.
8. Комлева Е. В. Функционально-семантическая категория апеллятивности как фактор текстообразования: на материале современного немецкого языка: дисс. ... д. филол. н. СПб., 2015.
9. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. М.: URSS, 2017.
10. Николаева Т. М. О «единстве ономастики» и/или о новой ветви «антропонимики» // Вопросы языкознания. 2009. № 3.
11. Новикова К. А. Способы экспликации адресованности в авторских немецкоязычных энигматических текстах конца XVIII - начала XX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». 2021. Вып. 2.
12. Олейник М. А. Адресатный план и динамическая языковая картина мира: монография. СПб. - Краснодар, 2006.
13. Олизько Н. С. Интертекстуальный анализ художественного произведения. Челябинск, 2008.
14. Подъяпольская О. Ю. Типология адресованности в текстах эпистолярного жанра (на материале писем Ф. Кафки): дисс. ... к. филол. н. Челябинск, 2004.
15. Романова Н. Л. Языковые средства выражения адресованности в научном и художественном текстах: на материале немецкого языка: автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 1997.
16. Санников В. З. О парных речевых актах русского языка // Известия Российской академии наук. 2019. Т. 78. № 5.
17. Селиванова Е. А. Энигматический дискурс: вербализация и когниция. Черкассы: Изд-во Ю. Чабаненко, 2014.
18. Солдаева А. А. Интертекстуальность русской традиционной загадки (лингвистический аспект): дисс. ... к. филол. н. СПб., 2018.
19. Струкова Т. В. Энигматические жанры русской поэзии: эволюция и типология: дисс. ... д. филол. н. Орел, 2019.
20. Файзулина Н. И. Лингвокогнитивная модель народной загадки: образно-структурный аспект (на материале русского, татарского и английского языков): дисс. ... д. филол. н. Казань, 2019.
21. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: контрапункт интертекстуальности. М.: КомКнига, 2007.
22. Филиппова С. Г. Интертекстуальные включения как сигналы адресованности в художественном тексте // STUDIA LINGUISTICA XVI. Язык. Текст. Культура: сборник. СПб.: Борей Арт, 2007.
23. Чаплыгина И. Д. Семантика и структура Ты-категории как показателя антропоцентрической природы языка // Вестник Камчатской региональной ассоциации «Учебно-научный центр». Гуманитарные науки. 2003. № 1.
24. Чернявская В. Е. Интертекстуальность как текстообразующая категория в научной коммуникации: на материале немецкого языка: дисс. ... д. филол. н. СПб., 2000.
25. Heinz M. Typologie der bildlichen Redewendungen aus lexikographischer Sicht, dargestellt am Beispiel des Petit Robert // EUROPHRAS 92. Tendenzen der Phraseologieforschung / hrsg. von B. Sandig. Bochum, 1994.

Информация об авторах | Author information**Новикова Кристина Александровна¹**¹ Кубанский государственный университет, г. Краснодар**Novikova Kristina Alexandrovna¹**¹ Kuban State University, Krasnodar¹ kristinanovikova2012@mail.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 16.10.2022; опубликовано (published): 30.11.2022.

Ключевые слова (keywords): энигматический текст; интертекстуальность; маркер интертекстуальности; адресованность; адресат; enigmatic text; intertextuality; intertextuality marker; addressing; addressee.